

Пишем сочинения по

поэме

Н.В. Гоголя

"Мёртвые души"

Пишем сочинения
по поэме Н.В. Гоголя
«Мёртвые души»

Содержание

Вступление	4
Идейный замысел	9
Композиция	10
Язык	13
Художественные средства	16
Художественный стиль Гоголя	21
Лирические отступления	24
Чичиков	27
Манилов	34
Коробочка	39
Ноздрев	41
Собакевич	44
Плюшкин	46
Губернское общество	50
Народ	53
Заключение	56

Вступление

Поэма «Мертвые души», над первой частью которой Гоголь работал с 1835 по 1841 г., – вершина его творчества. Поэма показывает современную Гоголю николаевскую Россию с ее бюрократическим аппаратом, разложением крепостнической системы хозяйства и начавшимся развитием буржуазных отношений. В поэме показано падение человеческой личности, оторванной от животворных источников созидательного труда.

Сюжет для этой поэмы Гоголю дал Пушкин. «Пушкин находил, что сюжет «Мертвых душ» хорош для меня тем, – писал Гоголь, – что дает полную свободу изъездить вместе с героем всю Россию и вывести множество самых разнообразных характеров».

Каждый из типов, от внешне приятного Манилова до потерявшего человеческий облик Плюшкина, являет собою «мертвую душу». Это люди нравственно опустившиеся. Ни в одном из них нет идеи общественного долга и служения родине, что делает человека благородным и самоотверженным. А если в них и обнаруживается энергия, как, например, у Ноздрева или Собакевича, то она направлена не туда, куда нужно, и превращается из положительного качества в свою противоположность. Такая жизненная энергия может принести людям только страдания. Понимая это, Гоголь пишет о Собакевиче: «Нет, кто уж кулак, тому не разогнуться в ладонь! А разогни кулаку один или два пальца, выйдет еще хуже».

Помещики, изображенные в поэме, – это не люди, это нравственные уроды, «мертвые души». Так раскрывается смысл заглавия поэмы.

Когда Пушкин прослушал поэму в чтении самого Гоголя, то с тоской в голосе произнес: «Боже, как грустна наша Россия!»

А. Зерчанинов, Н. Колокольцев, В. Литвинов

Начало работы над «Мертвыми душами» относится еще к середине 1830–х гг.

Любовно и неустанно разрабатывает Гоголь сюжет, данный ему Пушкиным, расширяет и углубляет первоначальный замысел. Заканчивает писатель первый том своей гениальной поэмы за границей к 1841 г.

Н.Г. Чернышевский, характеризуя отличие содержания «Мертвых душ» от «Ревизора», отмечал: «...Пафос одного произведения составляет... преимущественно официальная сторона жизни... пафос другого – частная жизнь, психологическое изображение различных типов

пустоты или одичалости». С исключительной наблюдательностью и поразительной силой изобразил Гоголь в «Мертвых душах» состояние и нравы господствующего класса, взятого в его «частной жизни». Он показал уродливый облик поместных «существователей», представил рожденных меркантильным веком «героев–приобретателей», – раскрыл самое существо грязной и безобразной жизни помещичьей России.

Первый том «Мертвых душ» – вершина гоголевского реализма. Писатель дает громадные типические обобщения русской действительности, рисует человеческие характеры в их обусловленности определенными социальными обстоятельствами. В галерее изображенных Гоголем мертвых душ раскрываются «страсти человеческие», сформированные в «пустоте и одичалости» поместной жизни. Сам писатель в «Размышлениях автора о некоторых героях первого тома «Мертвых душ» превосходно характеризует губительное влияние современной ему жизни на человека. Он пишет: «...Нечувствительно обхватывают, совсем почти незаметно, пошлые привычки света, условия, приличия без дела движущегося общества, которые до того, наконец, всего опутают и облекут человека, что не останется в нем его самого, а только куча одних, принадлежащих свету условий и привычек. А как попробуешь добраться до души, ее уже и нет: окременевший кусок и весь превратившийся человек в страшного Плюшкина, у которого если и выпорхнет иногда что похожее на чувство, то это похоже на последнее усилие утопающего человека...»

Г. Абрамович, Ф. Головенченко

В своей «Авторской исповеди» Гоголь указывает, что на мысль написать «Мертвые души» его натолкнул Пушкин. «Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и, наконец, один раз после того, как я прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: «Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение. Это просто грех!..» и, в заключение всего, отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что–то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет «Мертвых душ»... Пушкин находил, что сюжет «Мертвых душ» хорош для меня тем, что дает полную свободу изъездить вместе с героем всю Россию и вывести множество самых разнообразных характеров».

Гоголь последовал совету Пушкина, быстро принялся за работу и в письме от 7 октября 1835 г. извещал Пушкина: «Начал писать «Мертвых душ». Сюжет растянулся на предлинный роман и, кажется, будет сильно смешон... Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь».

Однако в процессе работы замысел Гоголя стал постепенно углубляться. Еще не закончив первый том, он в конце декабря 1840 г. пишет С. Т. Аксакову: «Между чем дальнейшее продолжение... выясняется в моей голове чище, величественней, и теперь я вижу, что может быть со временем кое-что колоссальное, если только позволят слабые мои силы. По крайней мере, верно, немногие знают, на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначущий сюжет».

Гоголь замыслил дать уже не один, а три тома, в которых можно было бы показать Русь уже не «с одного боку», а всесторонне. Второй и третий тома «Мертвых душ» должны были, по мысли автора, наряду с отрицательными, вывести и положительных героев и показать моральное возрождение «подлеца-приобретателя» Чичикова.

Такая широта сюжета и насыщенность произведения лирическими элементами, позволяющими писателю, как в стихотворной поэме, многообразно выявлять свое отношение к изображаемому, и внушили Гоголю мысль назвать «Мертвые души» не романом, а поэмой.

«Мертвые души» в полном виде стали мыслиться Гоголем как произведение, долженствующее по широте охвата жизни встать в ряд таких поэм, как «Одиссея» Гомера, рисующая жизнь древней Греции, или поэма Данте «Божественная комедия», полно отразившая идеологию феодального средневекового общества Западной Европы. Подобно последней поэме, «Мертвые души» должны были изобразить «ад», «чистилище» и «рай» современной Гоголю России, через который проходит связующее все три тома лицо – Чичиков.

Но Гоголь сжег второй том «Мертвых душ», а к третьему и не приступал. Причина неудачи Гоголя найти положительных героев была в том, что он искал их в мире «мертвых душ» – представителей господствовавших в то время общественных слоев, а не в народном, демократическом лагере. Великий критик-демократ Белинский еще в 1842 г. предсказал неизбежность неудачи Гоголя в осуществлении подобного замысла. «Много, слишком много обещано, так много, что негде и взять того, чем выполнить обещание, потому что того и нет еще на свете», – писал он. Найти положительных героев и той среде, в которой их искал Гоголь, по справедливому мнению Белинского, было невозможно, так

как «в них человеческое в прямом противоречии с тою общественною средою, в которой они живут».

Дошедшие до нас главы второго тома «Мертвых душ» подтверждают справедливость мыслей Белинского. В этих главах есть блестяще написанные образы героев, родственных помещикам первого тома (Петр Петрович Петух, Хлобуев и др.), но положительные герои (добродетельный генерал-губернатор, идеальный помещик Костанжогло и откупщик Муразов, «самым безукоризненным путем» наживший свыше сорока миллионов) явно ни типичны, жизненно не убедительны.

С. Флоринский

«Мертвые души» – одно из гениальнейших произведений русской и мировой литературы. Белинский назвал поэму Гоголя «творением, выхваченным из тайника народной жизни, беспощадно сдергивающим покров с действительности и дышащим страстною, нервистою, кровною любовью к плодovitому зерну русской жизни; творением, глубоким по мысли, социальным, общественным и историческим».

Замысел «Мертвых душ» возник и сложился в творческом сознании Гоголя под непосредственным влиянием Пушкина.

Первые главы задуманного произведения Гоголь успел прочитать Пушкину. Великий поэт, всегда смеявшийся при чтении Гоголя, на этот раз по мере чтения становился все мрачнее. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом, полным тоски: «Боже, как грустна наша Россия!»

Над первым томом «Мертвых душ» Гоголь работал пять лет. В декабре 1840 года первый том поэмы был закончен. Для издания своего произведения писатель возвратился на родину. В декабре 1841 года рукопись «Мертвых душ» попала в Московский цензурный комитет, где встретила серьезные затруднения. Услышав о неблагоприятном отношении цензора к поэме, Гоголь взял рукопись обратно и попросил Белинского, отправлявшегося в Петербург, захватить «Мертвые души» с собой и хлопотать о скорейшем ее прохождении в петербургской цензуре. Белинский охотно взял эти хлопоты на себя. С просьбой о помощи писатель одновременно обратился к П.А. Плетневу и В.Ф. Одоевскому. Под давлением литературных кругов петербургская цензура пропустила поэму, но много мест из текста исключила. Пришлось изменить и заглавие поэмы – теперь она получила название «Похождения Чичикова, или Мертвые души».

В конце мая 1842 года поэма вышла из печати. Ее появление оказалось большим событием в русской общественной и литературной

жизни. А.И. Герцен с полным основанием отметил, что «Мертвые души» потрясли всю Россию». Выход поэмы вызвал еще большую бурю, чем появление комедии «Ревизор».

Поэма Гоголя «Мертвые души» с потрясающей силой вскрыла паразитический характер существования тех нескольких десятков тысяч владельцев крепостных душ, которые составляли основу всего феодально-крепостнического строя. Герои гоголевской поэмы, выйдя со страниц книги, зажили самостоятельной жизнью, превратились в нарицательные понятия для обозначения отрицательных явлений жизни.

Главное место в поэме отведено галерее поместных владетелей. Смена типов в повествовании обусловлена тем, чтобы в последовательном переходе от одного к другому все более и более раскрывалось духовное обнищание и моральное вырождение помещичьего класса. Типические стороны жизни провинциального помещичье-чиновничьего общества ярко обнаруживаются благодаря тщательной обрисовке быта помещиков, их хозяйства, семейных отношений, характеристике положения крепостных. Поэма освещала страшную правду рабского строя. Для помещиков живые и мертвые души – это обыкновенный товар. О живых они говорят как о мертвых, а мертвых продают, что «пареную репу». В этом цинизме обнаруживается бездушие и паразитизм владельцев «крещеной собственности».

С. Петров

«Мертвые души», несомненно, самое великое из произведений Гоголя и, быть может, по силе творческой фантазии величайшее из произведений всей русской литературы. Характерная особенность письма Гоголя – необыкновенная пластичность и яркость образов – достигает здесь своей кульминационной точки. В русской литературе нет образов более ярких, более запечатлевающих в уме, чем образы «Мертвых душ».

«Мертвые души» – это картина Руси. Пушкин толкнул Гоголя поехать с Чичиковым по Руси и всмотреться в нее, в эту Русь. Что именно увидит Гоголь, великий поэт не мог знать, но он знал, что увидит многое. И, действительно, Гоголь увидел то, чего не видел никто, но что, несомненно, было и может быть установлено научно, – картину распада примитивного патриархального помещичьего уклада жизни, и то, что он видел везде, – страшную человеческую пошлость.

«Мертвые души» имеют по содержанию нечто общее с «Ревизором», но их масштаб несравненно крупнее.

Сюжет, данный Гоголю Пушкиным, был чрезвычайно удобен. Поездка Чичикова за мертвыми душами дает возможность нарисовать широкую картину русской жизни, заглянуть и в город и в разные помещичьи усадьбы.

В «Ревизоре» перед нами уездное чиновничество, здесь – губернское. В общем, это последнее довольно близко напоминает уездное, но оно является перед нами несколько посolidнее, в спокойном состоянии, благодушным и безмятежным; только в самом конце слух о странных покупках Чичикова вызывает тревогу и растерянность, напоминающую растерянность героев «Ревизора». Чиновники «Мертвых душ» так же легковверны и так же наивно-бесчестны, как чиновники «Ревизора». Все они представляют собой вполне законченные образы, но автор не хочет останавливать на них долго внимание. Он останавливается, главным образом, на Чичикове и помещиках.

Н. Коробка

Плюшкин

Плюшкин – уже настолько опустившийся человек, что по внешнему виду его можно принять за нищего. Много случалось Чичикову видеть всякого рода людей, «но такого он еще не видывал».

Перед ним был человек в каком–то необыкновенно странном наряде: «никакими средствами и стараниями нельзя было докопаться, из чего состряпан был его халат: рукава и верхние полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идет на сапоги; назади вместо двух болтались четыре полы, из которых охлопьями лезла хлопчатая бумага... На шее у него было повязано нечто похожее на чулок, подвязку, набрюшник, но только никак не галстук».

Такой наряд Плюшкина, владельца обширного имения с большим садом и «толпой строений – людских, амбаров, погребов», сразу обличает в нем скрягу.

Жизнь вокруг этого «съежившегося старичишки» замерла. Его деревня полуразрушена, непомерно длинный дом выглядел «дряхлым инвалидом». Ничто не оживляло этих картин опустошения: не было видно «ни отворявшихся дверей, ни выходивших откуда–нибудь людей, никаких живых хлопот и забот дома!» Никак нельзя было сказать, что в комнатах этого дома «обитало живое существо», так как они были завалены множеством разнообразнейших предметов, вплоть до негодной зубочистки, совершенно пожелтевшей, «которую хозяин, может быть, ковырял в зубах своих еще до нашествия на Москву французов».

Но всего накопленного и натасканного хозяину было мало, и он собирал по улицам своей деревни все, что попадалось ему под руку: старые подошвы, бабьи тряпки, железные гвозди, глиняные черепки, и все это тащил к себе в дом.

«А между тем в хозяйстве доход собирался по–прежнему: столько же оброку должен был принести мужик, таким же приносом орехов обложена была всякая баба, столько же поставов холста должна была наткать ткачиха. Все это сваливалось в кладовые, и все становилось гниль и прореха».

Люди у этого старичишки мрут, как мухи, а спасающиеся от него – «беглые» – попадают в тюрьмы и гибнут.

Собирание по крохам превратилось у Плюшкина в страсть и потеряло всякий смысл. Он одинок, живет седьмой десяток, и неизвестно, для кого он копит богатство.

Скупость сделала его подозрительным, угрюмым и нелюдимым. Она вытравила в нем даже отцовские чувства к детям: сына он проклял, а

нуждающейся дочери ничем не хочет помочь.

Однако в молодости Плюшкин был другим. Он был разумным, бережливым хозяином, и соседи заезжали к нему тогда поучиться хозяйству и «мудрой скупости». Знал Плюшкин и семейное счастье.

Но постепенно семья Плюшкина, рассыпалась, одинокая жизнь дала «сытую пищу скупости, которая, как известно, имеет волчий голод и чем более пожирает, тем становится ненасытнее». Так Плюшкин превратился в «прореху на человечестве». В его характере появилась отвратительная черта ни на чем не основанной подозрительности к людям. Владелец тысячи душ, он сам себя считает бедняком: «Вот, бают, тысяча душ, а подит-тка сосчитай, а и ничего не начтешь», «пойдешь на старости лет по миру».

Только где-то в самых отдаленных «уголках души» этого человека еще теплится что-то человеческое. Когда он вспомнил, например, о школьном товарище, то на его «деревянном лице вдруг скользнул какой-то теплый луч, выразилось не чувство, а какое-то бледное отражение чувства». Но после таких проблесков чувства лицо его мгновенно стало «еще бесчувственней и еще пошлее».

«И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек! мог так измениться! – восклицает Гоголь. – И похоже это на правду? Все похоже на правду, все может статься с человеком».

И Гоголь с пламенным словом обращается к юношеству: «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге: не подымете потом! Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдает назад обратно»

А. Зерчанинов, Н. Колокольцев, В. Литвинов

Пределом «одичалости» показан в поэме Плюшкин.

Если жажда наживы, которая охватила Собакевича, получила свое выявление в характере твердом и практическом, то эта же жажда по-иному проявляется у Плюшкина. Когда-то умный человек, хороший семьянин, он под влиянием страсти к обогащению превращается в страшную «прореху на человечестве». Он забывает человеческое отношение к людям, безудержно устремляется к накоплению материальных ценностей и, в конце концов, теряет самое представление о действительной ценности вещей. Знаменитая куча, содержащая в себе высохший лимон, отломленную ручку кресла, кусочек где-то поднятой тряпки и т.п. вещи, красноречиво говорят о характере ее владельца, «нищего богача».

«До такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек!» – горестно восклицает писатель. У Плюшкина «толстой скорлупой» закрыто все человеческое. Гоголь это подчеркивает, говоря о воспоминании Плюшкиным детских лет; «И на этом деревянном лице вдруг скользнул какой-то теплый луч, выразилось не чувство, а какое-то бледное отражение чувства, явление, подобное нежданному появлению на поверхности вод утопающего, произведшему радостный крик в толпе, обступившей берег. Но напрасно обрадовавшиеся братья и сестра кидают с берега веревку и ждут, не мелькнет ли вновь спина или утомленные бореньем руки – явление было последнее. Глухо все, и еще страшнее и пустынное становится после того затихнувшая поверхность безответной стихии. Так и лицо Плюшкина вслед за мгновенно скользнувшим на нем чувством стало еще бесчувственной и еще пошлее».

Г. Абрамович, Ф. Головенченко

Пределом падения человека является Плюшкин – «прореха на человечестве».

Все человеческое умерло в Плюшкине. Чтобы объяснить как могло произойти столь страшное явление, Гоголь дает образ Плюшкина не так, как образы других помещиков: он кратко рассказывает биографию этого крупного помещика.

Когда-то Плюшкин был умным, опытным, бережливым хозяином, к которому соседи приезжали, чтобы поучиться «хозяйству и мудрой скупости». Была у него семья: жена, две дочери, сын. У дочерей была гувернантка, у сына – гувернер, дом был полная чаша.

Первую брешь в семье и в психологии хозяина пробила смерть жены. «Плюшкин стал беспокойнее, подозрительнее и скупее». А затем старшая дочь убежала из дому, младшая умерла, сын поступил, вопреки воле отца, на военную службу. Старик остался одиноким.

«Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, как известно, имеет волчий голод и чем более пожирает, тем становится ненасытнее; человеческие чувства, которые и без того не были в нем глубоки, мелели ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось в этой изношенной развалине».

И вот перед Чичиковым стояла странная фигура: не то мужик, не то баба, в «неопределенном платье, похожем очень на женский капот», таком рваном, засаленном и заношенном, что «если бы Чичиков встретил его, так принаряженного, где-нибудь у церковных дверей, то, вероятно, дал бы ему медный грош».

Но не нищий стоял перед Чичиковым, а богатый помещик, владеец тысячи душ, у которого кладовые, амбары и сушильни полны были всякого добра. Однако все это добро гнило, портилось, превращалось в труху, так как безраздельно охватившая Плюшкина алчная скупость вытравила из него всякое понимание действительной ценности вещей, затмила практический ум когда-то опытного хозяина. Отношения Плюшкина к покупщикам, его хождения по селу за сбором всякой дряни, знаменитые кучи на его столе и на бюро выразительно говорят о том, как скряжничество приводит Плюшкина к бессмысленному накопительству, приносящему его хозяйству одно разорение.

Все пришло в полный упадок, крестьяне «мрут, как мухи», десятками числятся в бегах. Бессмысленная скупость, царящая в душе Плюшкина, порождает в нем подозрительность ко всем людям, недоверие ко всем и всему, враждебность ко всему окружающему.

В Плюшкине нет никаких человеческих чувств, даже отцовских. Вещи для него дороже людей, в которых он видит только мошенников и воров.

«И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек!» – восклицает Гоголь, скорбя об утрате Плюшкиным всяких человеческих качеств.

С. Флоринский

Еще одна разновидность пошлости – Плюшкин.

Плюшкин больной душевно, патологический субъект, но болезнь его черпает свои силы в окружающей среде. В среде всеобщего мотовства и разорения, чем характеризуется помещичья жизнь времен Гоголя, в обществе Чичиковых и Маниловых, в обществе разоряющихся или хищников, или тех и других вместе, – человека мнительного и неглупого, каким был Плюшкин до развития его роковой страсти, невольно должен был охватить страх за свое благополучие, – страх тем более понятный при сознании, что он сам ничего не знает, ничего не может создать, что приобретают здесь только плутовством или страшной скупостью. И вот скупость, естественно, становится той манией, в которую развивается его напуганная мнительность. Плюшкин – русский скупец, скупец от боязни за будущее, в устройстве которого русский человек так беспомощен. Плюшкин больше заботится о том, чтобы не выпустить из рук того, что в них попало, чем о наживе. В Плюшкине процесс распада помещичьего патриархального уклада жизни отражается, быть может, более, чем в каком бы то ни было другом герое «Мертвых душ».

Н. Коробка

Заключение

Первым из русских критиков талант Гоголя заметил В.Г. Белинский. В статье «О русской повести и повестях Гоголя» Белинский отметил характерные особенности его творчества. Он отмечает, что «совершенная истина жизни в повестях Гоголя тесно соединяется с простотой вымысла».

Юмор Гоголя, по определению Белинского – «это юмор чисто русский, юмор спокойный, простодушный, в котором автор как бы прикидывается простачком».

Юмор Гоголя заключается в особом взгляде писателя на жизнь и на человека «сквозь видимый миру смех и незримые, неведомые ему слезы».

Изображая отрицательные стороны тогдашней русской жизни, создавая ряд комических и отталкивающих типов, смеясь над «пошлостью пошлого человека», Гоголь в то же время душевно скорбел о том нравственном падении, до которого дошли его герои. Смех Гоголя полон горечи и глубокого сожаления о людях, потерявших человеческий облик.

Смеясь над своими героями, Гоголь обличал действительность, порождавшую этих героев, вскрывал социальное зло, указывал на резко отрицательные явления николаевской империи. В этом – одна из важнейших особенностей творчества Гоголя.

Многие критики видели в Гоголе только начинающего писателя, а реакционно настроенные утверждали даже, что Гоголь искажает действительность и недостоин считаться настоящим писателем.

Белинский явился страстным защитником «Мертвых душ», обличительный характер которых не понравился реакционерам. Он посвящает этой поэме статью «Похождения Чичикова, или Мертвые души» и в противовес реакционным критикам утверждает, что «Мертвые души» есть «творение чисто русское, национальное, выхваченное из тайника народной жизни...»

Белинский горячо отстаивал эту свою точку зрения на поэму в полемике с реакционными критиками. В результате этой полемики явились статьи Белинского «Несколько слов о поэме Гоголя», «Похождения Чичикова, или Мертвые души» и «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души».

Белинский писал, что, создав поэму, Гоголь «стал русским национальным поэтом во всем пространстве этого слова».

Гоголь оказал огромное влияние на развитие русской литературы. Его именем И.Г. Чернышевский назвал целый период русской литерату-

ры, подчеркнув этим исключительное значение его творчества, которое представило собою целую школу для последующих русских писателей. После Пушкина Гоголь стал главой так называемой «натуральной школы», учителем и вдохновителем ряда великих русских писателей.

Многому научились у Гоголя Островский и Гончаров, революционно-демократические писатели Герцен и Некрасов. Могучей сатирой Гоголя вдохновился Салтыков-Щедрин.

Вместе с Пушкиным и Лермонтовым Гоголь утвердил в русской литературе славные традиции критического изображения действительности, положив начало мощному развитию нового метода русской литературы, получившего в наше время название критического реализма. На его произведениях продолжают учиться и современные писатели.

Гоголь дорог нам как писатель-гуманист и патриот, воспитывающий нас в духе любви к человеку и родине, которую он сам так страстно любил. Его произведения, правдиво изображавшие жизнь, имеют огромное познавательное значение и являются мощным средством воспитания и образования молодого поколения.

Имена многих героев из произведений Гоголя стали нарицательными.

Еще при жизни Гоголь получил широкое признание за границей. Уже в 1842 г. начали там издаваться его книги. Писатели и критики Запада писали о Гоголе как о писателе «гениальном, глубоко своеобразном, уходящем своими корнями в природу и историю родного края, не сравнимом ни с каким предшественником, никаким преемником незатемняемом».

Поэма «Мертвые души» Гоголя была признана одним из шедевров мировой литературы. По выходе ее в свет Гоголя стали называть в мировой литературе «великим мастером реализма».

А. Зерчанинов, Н. Колокольцев, В. Литвинов

В знаменитом рассуждении о двух типах писателей («Мертвые души», VII глава) Гоголь причисляет себя к типу писателя, «дерзнувшего вызвать, наружу все, что ежеминутно перед очами и чего не зрят равнодушные очи: всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров... и крепкою силою неумолимого резца дерзнувшего выставить их выпукло и ярко на всенародные очи».

Произведения Гоголя не знают приукрашивания действительности, в них правдиво, полно и широко изображена сама жизнь, все темные стороны ее.

«Сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы» смотрел великий сатирик на «всю громадно несущуюся жизнь» и воспроизводил ее, бичуя все пошлое и низкое во имя великой любви к человеку.

Г. Абрамович, Ф. Головенченко

Вся галерея образов помещиков, данная в «Мертвых душах», убедительно раскрывает внутреннее убожество и неподвижный, затхлый быт крепостников–душевладельцев. Герои Гоголя – не Онегины и Печорины, а тот массив поместного дворянства, представителей которого мы встречали на балу у Лариных.

«Будьте не мертвые, а живые души», – писал он помещикам–дворянам. Так расценивал их и Герцен, занесший в дневник такие свои мысли: «Мертвые души»? Это заглавие само носит в себе что–то наводящее ужас. И иначе он не мог назвать; не ревизские мертвые души, а все эти Ноздревы, Маниловы и все прочие – вот мертвые души, и мы их встречаем на каждом шагу».

Последние слова Герцена ценны как свидетельство современника о типичности гоголевских героев–помещиков. То же подчеркивает и сам писатель. Манилова он относит к широкому роду «людей, известных под именем: люди так себе, ни то, ни се», Коробочек он видит и в тех аристократических дамах, которые повторяют «вытверженные мысли». О Ноздреве замечает: «Ноздрев долго еще не выведется из мира. Он везде между нами и, может быть, только ходит в другом кафтане». Собакевич, по Гоголю, мог быть не только захолустным помещиком, но и петербургским чиновником. И только о Плюшкине писатель замечает: «Подобное явление редко попадает на Руси».

С. Флоринский